

Праздник святого Рохуса в Бингене. Иоганн Вольфганг Гёте

(16 августа 1814 г.)

Моим добрым друзьям, которые уже достаточно долго находятся на водах в Висбадене, пришлось однажды испытать некоторое беспокойство в связи с осуществлением давно ими взлелеянного плана. Было уже за полдень, но им удалось быстро заказать карету, чтобы отправиться в очаровательную Рейнскую область. В этой плодороднейшей из областей с холма над Бирихом открывается великолепный вид на широкую речную долину со множеством селений. Однако представшая нашему взору картина была не столь совершенна, как бывает иной раз ранним утром, когда восходящее солнце озаряет побеленные фасады и фронтоны бесчисленных строений, больших и малых, вдоль реки и на холмах. В такие утра прежде всего бросается в глаза сверкающий в дальней дали монастырь Иоганнисберг, а отдельные световые пятна рассеяны по обоим берегам Рейна.

Но дабы мы сразу поняли, что въезжаем в страну благочестия, перед Мосбахом нам встретился итальянец-гипсоотливщик, на голове он храбро и ловко нес не теряющую равновесия доску. Парящие над ним фигуры святых, не похожие на встречающихся ближе к северу богов и героев, были пестро раскрашены в соответствии с веселой и жизнерадостной местностью. Богоматерь царила над всеми; из четырнадцати святых итальянец избрал наиболее прославленных; святой Рохус в черном одеянии пилигрима стоял впереди других, рядом с ним его собачка-хлебоноша.

До Ширштейна мы ехали вдоль нескончаемых пшеничных полей, их то тут, то там украшали ореховые деревья. Плодородные земли простирались влево от нас — к Рейну, и вправо — к холмам, все ближе и ближе по мере нашего продвижения подступавшим к дороге. Красивым, но и опасным показалось нам местоположение Валлуфа, в излучине Рейна, словно бы на узкой косе. Меж щедро плодоносящих, заботливо ухоженных фруктовых деревьев виднелись корабли на реке, весело плывущие по течению при вдвойне благоприятном ветре.

Радует взор и противоположный берег; большие, красивые селения, утопающие в садах; но вскоре нас отвлекает новая картина: невдалеке на зеленом лугу высятся развалины церкви, зеленые от густого плюща стены выглядят удивительно опрятными, простыми и милыми сердцу. Справа почти вплотную у дороги — виноградники.

В городке Валлуф — мир и тишина, лишь на дверях домов еще не стерты меловые пометки квартирьеров. Дальше с обеих сторон снова появятся виноградники. Даже на плоской, малопересеченной местности хлебные поля чередуются с виноградниками, а холмы в отдалении — сплошной виноградник.

Вот так, на окруженной с трех сторон холмами, а с севера уже и горами равнине, расположен Эльфельд, тоже неподалеку от Рейна, насупротив возделанной поймы. Башни старого замка, так же как и церковь, свидетельствуют, что это большой провинциальный город, и поныне отличающийся архитектурным изяществом зданий.

Доискиваться причин, побудивших первых поселенцев избрать именно эти места, было бы весьма поучительно. То ли их привлек ручей, сбегаящий к Рейну, то ли благоприятные условия для земледелия и судоходства, то ли просто удобное местоположение.

Народ здесь красивый и спокойный, никто не суетится: очень хороши дети, взрослые — высокие, прекрасно сложенные люди. Навстречу нам то и дело попадались экипажи и пешие любители прогулок, — последние по большей части с солнечными зонтиками. День был знойный, кругом сушь и ужасающая пыль.

Посреди Эльфельда, в парке, стоит великолепная новая вилла. Слева на равнине виднеется фруктовый сад, но в основном и здесь повсюду виноградники. Городки скучены, между ними еще втиснуты хутора, и кажется, что они, один за другим являясь нашему взору, касаются друг друга.

Вся растительная жизнь равнины и холмов развивается на хрящеватой почве, более или менее смешанной с глиной, что благоприятствует уходящим в глубину корням винограда. Ямы, из которых брали землю для выравнивания, свидетельствуют о том же.

Эрбах, как и другие городки, аккуратно вымощен, на улицах сухо, нижние этажи жилые и, насколько видно через открытые окна, содержатся весьма опрятно. Снова на нашем пути помещичий дом, похожий на дворец, сад спускается к Рейну, прелестные террасы и тенистые липовые аллеи ласкают взор.

Рейн здесь меняет свой характер, русло сужается, пойменные луга теснят его, образуя неширокую, но свежо и мощно текущую реку. Поросшие виноградом холмы справа вплотную подступают к дороге, отгороженные от нее толстой стеной, глубокая ниша в стене приковывает взгляд. Кареты тихонько останавливаются, путники с наслаждением пьют обильно текущую воду, это так называемый «Источник святого Марка», давший имя местному вину.

Стена кончается, холмы становятся все более пологими, их мягкие склоны сплошь засажены виноградниками. Слева — фруктовые деревья. У самой реки — ивняк, за которым ее и не видно.

Дорога через Хаттенгейм идет вверх, на возвышенности за городом почва глинистая, менее хрящеватая. С обеих сторон виноградники, слева — отгороженные стенами, справа — канавой. Рейхардтсгаузен, в прошлом монастырское владение, ныне принадлежит герцогине Нассауской. Ближе к углу в стене сделаны просветы, сквозь них видны прелестные тенистые акации. Плодородная мягкая равнина, однако за ней дорога вновь спускается к реке, которая до сих пор была далеко внизу. Здесь землю используют под хлебные поля и фруктовые сады, а малейшую возвышенность — под виноградники. Эстрайх, стоящий в некотором отдалении от воды, на склоне холма, расположен очень красиво: за селением до самой реки тянутся засаженные виноградом холмы, и так до Миттельгейма, где Рейн широко разливается. И сразу же — Лангенвинкель.

Перед Гайзенгеймом до реки простирается низменность, до сих пор еще не освободившаяся от полых вод. Это благоприятствует

садоводству и разведению клевера. Зеленый остров на реке и городшко на берегу расположены друг против друга, с той стороны вид открывается более широкий. Просторная холмистая долина тянется между двумя возвышенностями вплоть до сланцевых гор.

Когда приближаешься к Рюдесгейму, низменность слева от дороги делается все причудливее, и ты начинаешь понимать, что в доисторическую эпоху, когда горы под Бингеном были еще замкнутыми, сдерживаемая естественной запрудой вода заполняла низину и, наконец, мало-помалу стекая и стремясь вперед, образовала нынешнее русло Рейна.

Итак, менее чем за четыре с половиной часа мы добрались до Рюдесгейма, где нас прельстила гостиница «Корона», расположенная к тому же неподалеку от городских ворот.

Гостиница пристроена к старой башне, окна ее фасада смотрят на Рейн; и все же нас опять потянуло на улицу. Высящаяся над рекой каменное здание — лучшее место для обозрения окрестностей. Отсюда в прекрасной перспективе открывается вид на реку с зелеными островками. На противоположном берегу — Бинген, дальше вниз по течению посреди реки — Мышиная башня.

Повыше Бингена, неподалеку от Рейна, один из холмов примыкает к более возвышенной равнине. Она наводит на мысль о предгорье в некогда высоких водах. На ее восточной оконечности стоит часовня св. Рохуса. Разрушенная во время войны, она теперь восстановлена. С одной стороны еще даже не сняты леса, но тем не менее завтра здесь должен состояться праздник. Все думали, что мы приехали сюда на этот праздник и что он сулит нам много радости.

Итак, мы узнали, что во время войны, к великому прискорбию всей округи, этот божий храм был осквернен и уничтожен. Правда, не по легкомыслию и не из озорства, а потому что отсюда отлично просматривается вся окрестность. Таким образом, здание, лишенное церковной утвари и украшений, превратилось в бивак с конюшней, закопченный и загаженный.

Однако сие обстоятельство не пошатнуло веру в святого, который отводит от истинно верующих чуму и прочую заразу. Разумеется, о паломничестве сюда не могло быть и речи, ибо неприятель, недоверчивый и осторожный, запрещал любые религиозные процессии и крестные ходы, как опасные сборища, взывающие к общественному духу и способствующие возникновению крамолы. Вот уже двадцать четыре года там, наверху, не было праздника. Однако верующие со всей округи были убеждены в пользе местного паломничества и, теснимые своим трудным положением, прибегли к крайним мерам. Об этом рюдесгеймцы рассказывают следующую весьма примечательную историю. Глубокой зимней ночью совершенно неожиданно увидели они факельное шествие, направлявшееся от Бингена вверх по холму; наконец участники процессии собрались вокруг часовни, как видно, для молитвы. Пришлось ли тогдашним французским властям уступить натиску верующих, — вряд ли они отважились бы на такое без разрешения, — так никогда и не выяснилось, все происшедшее осталось покрыто мраком неизвестности. Тем не менее все рюдесгеймцы, которые, гуляя по берегу, были свидетелями этого зрелища, уверяют: ничего более странного и страшного они в жизни своей не видели.

Мы не спеша спустились к реке, и каждый, кто попадался нам навстречу, радовался возрождению по соседству храма божьего: и хотя желать возобновления этих праздников должны были бы в основном жители Бингена, однако этой завтрашней оказии для проявления благочестия и веселья радуется всё и вся.

Ибо затрудненное, прерванное, а нередко и вовсе запретное сообщение между двумя рейнскими берегами, поддерживаемое лишь верой в святого Рохуса, должно быть наконец блистательно возрождено. Вся округа в движении, с благодарностью приносятся обетования, традиционные и новые. Люди хотят исповедаться, получить отпущение грехов, встретить в густой толпе пришедшего люда давно утраченных друзей.

При столь благочестивых и радужных предзнаменованиях мы, не выпуская из виду реку и противоположный берег, спустились от широко раскинувшегося Рюдесгейма к старой римской крепости на окраине города, сохранившейся благодаря превосходной каменной кладке. Счастливая мысль, осенившая ее владельца, господина графа Ингельгейма, уготовила здесь каждому чужеземцу поучительное и отрадное зрелище.

Ты вступаешь во двор, похожий на колодец; узкое пространство, высокие черные стены вздымаются к небу, шероховатые даже с виду, поскольку камни снаружи не обтесаны, безыскусная рустика. На крутые стены можно взобраться по приставным лестницам; в самом здании бросается в глаза своеобразный контраст между красиво убранными покоем и высоким, пустынным, почернелым от дыма и сторожевых огней подвалом. Постепенно сквозь мрачные щели в стенах добираться наконец до высоких, как башни, зубцов, и перед тобой открывается прекраснейший вид. Мы прогуливаемся по стене на свежем воздухе взад и вперед, любясь садами, разбитыми на пустырях. Мостики связывают между собой башни, высокие стены и ровные площадки, всюду великолепные цветочные куртины и кустарники; на сей раз они, как и вся местность, изнывают в ожидании дождя.

В ясном вечернем свете под нами и перед нами простирался Рюдесгейм. Неподалеку от этого древнего замка замок средневековый. Радуют глаз и роскошные виноградники; пологие и крутые холмы, даже скалы и стены используются под разведение винограда. Но на какое бы из церковных или мирских зданий мы ни смотрели, Иоганнисберг царит надо всем.

Однако, видя перед собою такое множество виноградников, нельзя не помянуть добрым словом вино урожая одиннадцатого года. Это вино — как имя великого и милостивого государя: его будут помнить во все времена, едва лишь речь зайдет о достоинствах края; точно так же изобильный виноградом год у всех на устах. Кроме того, вино одиннадцатого года обладает главной особенностью превосходного вина: его много, и оно великолепно на вкус.

Мало-помалу вся местность погружается во мрак. Даже исчезновение столь многих значительных частных заставляло нас почувствовать ценность и значимость целого, от которого нам не хотелось бы отрываться, но тут уж ничего не поделаешь.

На обратном пути нас взбадривала непрерывная пушечная пальба, долетавшая от часовни. Эти воинственные звуки и за табльдотом не позволяли нам забыть, что вершина холма имела еще и военное значение. Отсюда видна вся Рейнская область и различимы многие городки, которые мы проезжали по дороге сюда.

Нам говорили, что нужно не один раз с высоты над Бибрихом смотреть, как утреннее солнце освещает белую точку часовни св. Рохуса; об этом мы сейчас с удовольствием вспомнили.

При всем том нельзя было не заметить, что святого Рохуса здесь воспринимают как достойнейший объект поклонения, ибо он, благодаря крепкой вере, в мгновение ока вновь обратил это средоточие раздоров и войн в средоточие мира и спокойствия.

Между тем явился какой-то незнакомец и сел за стол; его можно было принять за паломника, отчего мы еще непринужденнее прославляли святого Рохуса. К величайшему изумлению благомыслящего общества, выяснилось, что он, хотя и католик, в известной мере противник этого святого. Дело в том, что шестнадцатого августа, в день праздника, когда все чествовали святого Рохуса, у него загорелся дом. Другой раз, в тот же самый день, был ранен его сын. О третьем разе он даже говорить не пожелал.

Какой-то разумник на это возразил: в каждом отдельном случае самое главное обратиться именно к тому святому, в чье ведение входит данный случай. Защита от пожара возложена на святого Флориана; раны врачует святой Себастиан; что же до третьего пункта, то неизвестно, — быть может, тут окажет помощь святой Губарт? В остальном же верующим предоставлен полный простор — в их распоряжении четырнадцать святых угодников. Однако, рассмотрев все добродетели таковых, приходишь к выводу, что угодников, пожалуй, маловато.

Дабы избавиться от подобных всегда сомнительных выводов, пусть даже сделанных в прекраснейшем расположении духа, мы вышли на воздух под усыпанное звездами небо и прогуляли так долго, что последовавший засим глубокий сон был почти равен нулю, ибо проснулись мы еще до восхода солнца. Мы поспешили выйти — взглянуть на серую теснину, в которой протекал Рейн. Оттуда в лицо нам веял свежий ветер, одинаково благоприятствующий кораблям, плывущим вверх и вниз по течению.

Уже сейчас все корабельщики озабоченно спуют, готовясь ставить паруса, сверху подают сигнал начать день: так было условлено с вечера. Уже вокруг часовни появляются отдельные фигуры и целые компании, точно силуэты на фоне ясного неба на вершине горы, но на реке и по берегам ее все еще малоллюдно.

Страсть к естествознанию подстегивает нас осмотреть собрание, в коем металлические изделия Вестервальда разложены по размерам, так же как и образцы богатых рудоносных пород Рейнбрайтенбаха. Однако сей научный интерес чуть было не довел нас до беды. Вернувшись к Рейну, мы обнаружили, что переправа на противоположный берег уже в полном разгаре. Люди толпами устремлялись на суда, один перегруженный паром за другим отваливал от пристани.

На том берегу пахари уже идут за плугом, уже мчатся кареты, бросают якоря корабли с верховьев Рейна. На гору поднимается беспорядочная пестрая толпа. Люди стараются добраться до вершины по более или менее проторенным тропкам. Непрерывная канада возвещает о прибытии паломников из новых городов и сел.

Час пробил! Но мы уже на середине реки, парусные и весельные лодки несутся наперегонки с сотнями других. Высадившись, мы, с нашей любовью к геологии, сразу же заметили у подножья горы какие-то удивительные скалы. Естествоиспытатель непременно отойдет от священной тропы. По счастью, у нас с собою был молоток. Это оказался конгломерат, достойный самого пристального внимания. Разрушенная в момент возникновения кварцевая порода, неокатанные обломки, вновь связанные кварцевой массой. Чудовищная их крепость позволила нам отколоть лишь крохотные кусочки. Если бы какой-нибудь приезжий естествоиспытатель захотел получше ознакомиться с этими скалами, установить их соотношение с более старыми горными массивами и любезно прислать мне об этом сообщение вкупе с несколькими поучительными образцами! С какой благодарностью я бы это воспринял!

Крутой, петляющей по скалам тропой мы, и с нами сотни, многие сотни людей, поднимались к часовне, медленно, часто отдыхая, перекидываясь шутками. Это было в полном смысле слова плато Кебеса, шумное, оживленное, с той лишь разницей, что тут во все стороны не разбегались боковые тропинки.

Наверху мы застали сутолоку и тесноту. Вошли в часовню. Внутреннее помещение — почти правильный четырехугольник, каждая сторона около тридцати футов, хоры — от силы двадцать. Здесь же — главный алтарь, не современный, но в пышном стиле католической церкви. Он устремлен ввысь, что придает еще больший простор часовне. В ближних от нас углах основного четырехугольника находятся два похожих алтаря, ничуть не поврежденных, все как и прежде. Чем объяснить это в храме, столь недавно разрушенном?

Толпа движется от главного входа к большому алтарю, потом сворачивает влево, где возносит почести мощам в стеклянном гробу. Многие трогают гроб, гладят его, крестятся и замедляют шаг, насколько это возможно; но один теснит другого, и меня в этом потоке пронесло мимо и вынесло к боковому входу.

Навстречу нам выходят бингенские старейшины, дабы дружески приветствовать чиновника герцога Нассауского, нашего уважаемого проводника; они прославляют его как доброго, всегда готового прийти на помощь соседа, как человека, сделавшего возможным подобающим образом отметить нынешний праздник. Тут мы узнаем, что из упраздненного монастыря Айбинген бингенскому приходу для полного устройства часовни св. Рохуса задешево продали внутреннее убранство: алтари, кафедры, орган, молитвенные скамьи, исповедальни. Поскольку протестанты оказали им такую помощь, все граждане Бингена дали обет на своих плечах доставить в церковь вышепоименованные предметы. Народ потянулся к Айбингену; все было тщательно снято, один человек брал небольшую ношу, несколько человек — побольше, и так, подобно муравьям, понесли они вниз, к воде, колонны и карнизы, образа и церковную утварь. Там их, также в соответствии с данным обетом, встретили корабельщики, перевезли, высадили на левом берегу и снова, по многим тропинкам, все смиренно понесли на гору свой груз. Поскольку это происходило одновременно, стоя у часовни над равниной и рекой, можно было наблюдать удивительнейшую из процессий, в которой пестрой чередой двигались предметы резные и золоченые, писанные красками и покрытые лаком; сгибаясь под тяжестью ноши, каждый уповал на благословение и устройство всей своей последующей жизни. Доставленный сюда, но еще не установленный орган вскоре будет водружен на галерее, насупротив главного алтаря. Только сейчас разрешилась загадка, найден ответ на вопрос: как вышло, что все эти украшения за столь долгий срок сохранились неповрежденными и все-таки не кажутся новыми в только что отстроеной часовне.

Нынешнее состояние храма божия должно быть для нас тем поучительнее, что мы будем вспоминать о доброй воле, взаимной помощи, планомерном исполнении и счастливом окончании. То, что все это было хорошо продумано, явствует из следующего: здесь должны были установить главный алтарь из церкви гораздо больших размеров, а потому было решено возвести стены на несколько футов выше, чем прежде, вследствие чего получилось просторное и богато украшенное помещение. Самый старший из верующих мог теперь преклонить колена на левом берегу Рейна перед тем же алтарем, перед которым с юных лет возносил молитвы на правом берегу.

Поклонение святым мощам в этих краях — давний обычай. Останки святого Рупрехта, к которым в Айбингене прикасались с трепетом и верой в их всемогущество, теперь тоже здесь. А потому все оживилось от радостного сознания — снова быть вблизи испытанного покровителя. В то же время стали поговаривать, что не очень-то подобает торговать этой святыней или назначать ей какую-то цену; нет, она попала к святому Рохусу скорее как дар, как доброхотное даяние. О, если бы везде в подобных случаях проявлялась такая щепетильность!

И тут нас подхватила толпа! Тысячи и тысячи лиц оспаривали друг у друга наше внимание. Здешние народности разнятся не столько одеждой, сколько строением лица. Впрочем, в такой толчее не до сравнений; напрасно стали бы мы искать какие-то общие черты в этой суматохе, — тут сразу теряется нить наблюдений, тебя захватывает кипение жизни.

Целый ряд лавчонок, как того требует храмовой праздник, расположился неподалеку от часовни. Впереди выставлены свечи — желтые, белые, разрисованные, рассчитанные на разные кошельки. Тут же сборники акафистов в честь святого Рохуса. Тщетно искали мы книжку, из которой нам уяснились бы его жизнь, его свершения и муки; зато повсюду были навалены четки всех видов. Впрочем, не забыты и булки, лепешки, пряничные орехи, разнообразнейшие пирожные; не менее прельстительны игрушки для детей всех возрастов и галантерейный товар.

Крестный ход продолжается. Одна процессия не похожа на другую, зрелище это могло бы принести много пользы спокойному наблюдателю. А в общем можно сказать: дети красивы, молодежь — нет, старые лица — очень огрубелые, в толпе много глубоких стариков. Одни шли и пели, другие вторили им, хоругви трепетали на ветру, раскачивались штандарты, одна огромнейшая свеча передавалась от процессии к процессии. У каждой общины — своя богоматерь, ее несут дети и девушки, она в новых ризах, украшенных множеством развевающихся розовых лент. Очаровательный младенец Христос держит большой крест и кротко взирает на орудия пытки.

«Ах! — воскликнул какой-то тонко чувствующий зритель, — право же, не всякий ребенок на его месте мог бы так радостно смотреть на мир!»

Младенец одет в новенькую золотую парчу. Красивый и веселый, он походит на юного монарха.

И вдруг трепет пробежал по толпе: приближалась главная процессия Бингена. Народ ринулся ей навстречу. Все мы замираем в изумлении: сцена чудесно преобразилась. Город, красивый, хорошо сохранившийся, среди садов и рощ, на краю долины, где берет свое начало Наэ. А тут еще Рейн, Мышиная башня, Эренфельз. На заднем плане суровые отвесные скалы, меж ними теснятся и неожиданно скрывается из глаз могучая река.

Главная процессия идет в гору упорядоченно, ровными рядами, как и все остальные. Впереди мальчики и юноши, за ними — мужчины. Они несут святого Рохуса в черном бархатном одеянии пилигрима, и из-под длинной, того же бархата, да еще шитой золотом королевской мантии выглядывает маленькая собачка, в зубах держащая хлеб. Дальше идут подростки в коротеньких плащах, как положено пилигримам, с ракушками на шляпах и воротниках, держа в руках посохи. За ними — мужчины, не похожие ни на крестьян, ни на горожан. По их обветренным лицам я решил, что это корабельщики, люди опасного, тяжелого ремесла, коим каждое мгновение приходится быть начеку.

Над толпой взмыл красный шелковый балдахин, под ним несомые епископом святые дары в окружении высокого духовенства, сопровождаемые из Эстрайха и нынешними властями. Так двигалась вперед процессия, отмечая этот политически-религиозный праздник — символ того, что левый берег Рейна отбит у неприятеля, а значит, и свобода вновь верить в чудеса и знамения.

Если бы я должен был вкратце изложить впечатление, которое произвели на меня эти процессии, я сказал бы: дети все без исключения были веселы и милы, словно что-то новое, чудесное и радостное происходило в мире. Молодые люди, напротив, держались равнодушно. Им, родившимся в лихие времена, этот праздник ни о чем не напоминал, а тот, кому нечего вспомнить, ни на что не надеется. Но старики все были растроганы и счастливы возвращением для них, увы, уже бесполезных времен. А это свидетельствует, что человеческая жизнь лишь тогда стоит чего-то, когда у нее есть продолжение.

Но тут вдруг внимание наблюдателя внезапно и грубо было отвлечено от благородного и торжественного шествия шумом и многоголосым воплем позади него. И это только лишний раз подтвердило, что в суровые, печальные, даже страшные судьбы неожиданно врывается пошлость, как в дурацкой интермедии.

По другую сторону холма возник странный шум — не перебранка, не вопль ужаса или ярости, а какой-то хаос голосов. Между скалами, лесом и мелким кустарником металась взбудораженная улюлюкающая толпа, крича: «Стой! — Тут! — Вон там! — Ну! — Сюда! — Живее!» Сотни людей бегали в страшном волнении, словно кого-то преследуя, за кем-то гонясь. Из толпы выскочил проворный дюжий парень, с радостью показывая всем окровавленного барсука. Несчастный безвинный зверек, напуганный приближающейся толпой верующих, отрезанный от своей норы, был убит всегда безжалостными людьми в благословенный миг праздника милосердия.

Впрочем, равновесие и серьезность вскоре были восстановлены, и внимание толпы обратилось на новую процессию. Епископ уже входил в церковь, когда приблизились посланцы Бюдесгейма, столь же многочисленные, сколь и чинные.

Итак, попытка определить, в чем же характерная особенность именно этого городка, потерпела неудачу. Запутавшись во всей этой путанице, мы предоставили процессии бюдесгеймцев спокойно вливаться в путаницу, возрастающую с каждой минутой.

Весь народ столпился у часовни и устремился внутрь. Оттененные в сторону, мы охотно задержались на свежем воздухе, дабы насладиться широким видом, открывающимся с другой стороны холма, — долиной, где словно украдкой течет Наэ. Человек со здоровым зрением одним взглядом охватывает многообразную плодородную местность, простирающуюся до подножия Доннерсберга, мощный хребет которого величественно замыкает горизонт.

Но вскоре мы заметили, что нам уготованы и мирские радости. Палатки, будки, скамейки, всевозможные зонты рядами стояли тут. В нос нам ударил соблазнительный запах жареного жира. Мы увидели молоденькую проворную трактирщицу, хлопочущую вокруг кучи раскаленной золы, на которой она — дочь мясника — жарила свежие колбасы. Благодаря собственной сноровке и неустанным стараниям множества расторопной прислуги, ей удавалось быстро накормить даже непрестанно прибывающую толпу гостей.

Обильно снабженные жирными дымящимися колбасами и отличным свежим хлебом, мы тоже отыскивали себе место под зонтом за длинным, казалось бы, сплошь занятым столом. Сидевшие любезно потеснились, а мы обрадовались приятному соседству и радушному обществу людей, пришедших на этот возобновленный праздник с берегов Наэ. Резвые ребятишки пили вино наравне со взрослыми. Коричневые кружки с белым вензелем святого Рохуса ходили по кругу в каждой семье. Мы поспешили раздобыть себе такие же кружки, наполненные до краев, и поставили их перед собой.

Оказалось, что подобные скопления народа приносят большую выгоду, если, руководствуясь каким-нибудь высшим интересом, со всех концов обширного края люди, точно ручейки, сливаются в единый поток.

Здесь сразу знакомишься со многими провинциями. Наш минералог немедленно нашел людей, которые, хорошо зная горные породы Оберштейна, тамошние агаты и способы их обработки, могли сообщить ему немало поучительного. Упомянуты были и ртутные породы Мушель-Ландсберга. Помимо приобретения новых знаний, возникла еще и надежда получить оттуда прекрасную кристаллизованную амальгаму.

Эти разговоры не мешали нам наслаждаться вином. Пустые сосуды мы отослали корчмарю, который попросил нас немножко погодить, покада он не откроет четвертую бочку. Третью опустошили еще ранним утром.

Никто не стыдится винолюбия, напротив, все даже как-то похваляются своей способностью пить. Красивые женщины откровенно признаются, что их младенцы сосут вино едва ли не вместе с материнским молоком. Мы спросили, правда ли, что духовным лицам и даже курфюрстам удается за сутки влить в себя до восьми рейнских мер, что равняется нашим шестнадцати бутылкам.

Один серьезный с виду гость заметил: чтобы ответить на этот вопрос, надо бы вспомнить великопостную проповедь их викария, который, яркими красками обрисовав своему приходу тягчайший порок пьянства, заключил:

«Сие может убедить вас, уже покаявшихся и получивших отпущение грехов, что великий грех так злоупотреблять прекраснейшим даром господним. Однако злоупотребление не исключает употребления. Сказано же: вино для радости дано! Отсюда явствует: дабы порадовать себя и своих ближних, мы можем, более того — должны пить вволю. Но среди представителей сильного пола, слушающих меня, вряд ли найдется хоть один, кто, выпив за день две меры вина, почувствует, что у него уже ум за разум заходит. Однако тот, кто после третьей или четвертой меры впадает в беспамятство настолько, что не узнает жены и детей, бранит их, бьет, пинает ногами, словом, с теми, кого любит больше всего на свете, обходится как со злейшими врагами, тот обязан, поразмыслив над собой, отказаться от излишества, которое делает его неугодным богу и людям и вызывает всеобщее презрение.

Но тот, кто, насладившись четырьмя мерами, выпивает пятую и даже шестую, при этом оставаясь в здравом уме и твердой памяти, кто еще в состоянии с любовью прийти на помощь своим единоверцам, блюсти порядок в своем доме, выполнять приказы церковного и мирского начальства, — тот пусть наслаждается своей скромной долей и благодарит за нее господа бога. Пусть только остережется без должного испытанья пойти дальше и помнит, что в таких делах слабому человеку положен предел. Ибо редок, очень редок случай, когда семилосердый господе дарит человека своей милостью, позволяя ему выпивать восемь мер, каковою он почтил меня, раба своего. Но так как никто про меня не скажет, что я в несправедливой злобе на кого-то набросился, что я отвернулся от домочадцев и родичей или, еще того не легче, пренебрег возложенными на меня духовными обязанностями или делами, то, я полагаю, все вы удостоверите, что я в любую минуту готов во славу господа оказать помощь ближним и посему могу с чистой совестью, возблагодарив всевышнего за сей несравненный дар, радоваться ему и впредь.

Итак, внимлите мне, дорогие мои слушатели, и пусть же каждый из вас по воле творца, чтобы усладить тело и возрадоваться духом, приемлет свою скромную долю. Но помните, что при этом должно избегать всякого излишества, и действуйте согласно заповеди святого апостола, который сказал: «Испытайте все и достойнейшее оставьте себе».

Конечно же, после этой проповеди главной темой разговора осталось вино, как было и до нее. Тотчас же разгорелся спор о преимуществах того или иного сорта винограда. Я с удовольствием отметил, что между ними, этими магнатами, не идет спор о рангах, «Хохеймер», «Иоганнисбергер», «Рюдесгеймер», — им отдается должное, а ревность и зависть царят только среди богов низшего ранга. Особенно страсти разгорелись вокруг всеми любимого «Ассманхойзера», красного. Я своими ушами слышал, как некий владелец виноградников из Оберингельгейма утверждал, что их вино мало в чем уступает «Ассманхойзеру». А в одиннадцатом году оно у них было и вовсе замечательным, к сожалению, это доказать невозможно, ибо оно все выпито. Соседи его по столу очень это одобрили, — считается, что красные вина надо выпивать в первые же годы.

Компания с берегов Наэ стала перевозносить свое вино под названием «Монцингер»: «Монцингер»-де пьется легко, с приятностью, но не успеешь оглянуться, как оно уже бросилось в голову. Нас пригласили его отведать. Наслушавшись столь похвальных отзывов, мы уж не в силах были отказаться, да еще в такой хорошей компании, попробовать это вино и себя испытать.

Наши кружечки вернулись на стол вновь полные до краев; увидев белые жизнерадостные вензеля святого, постоянно занятого попечением о благе ближних, мы, можно сказать, застыдились того, что лишь в самых общих чертах знали его историю, хотя и вспомнили, что, ухаживая за чумными больными, он все-таки остался в живых.

Тут сотрапезники, идя навстречу нашему желанию, принялись наперебой — дети и родители — рассказывать эту прелестную легенду.

Нам же дана была возможность вникнуть в истинную сущность сказания, передающегося из уст в уста. Противоречий, собственно, не было, только нескончаемые различья, которые, вероятно, произошли потому, что каждый по-своему понимал события и отдельные случаи, отчего одни обстоятельства выдвигались на первый план, другие едва ли не замалчивались; то же самое относится и к странствиям святого, — путали рассказчики также города и веси, где он пребывал.

Из попытки воспроизвести его историю у меня ничего не вышло, и мне осталось только вставить ее сюда в таком виде, в каком она обычно пересказывается.

Святой Рохус, истинный христианин, родом был из Монпелье, отец его звался Иоганном, мать — Либерой; Иоганн властвовал не только над Монпелье, но и над другими городами, был он благочестивым человеком, но господь не благословлял его детьми, покуда не вымолил он у пресвятой девы Марии своего Рохуса, который и явился на свет с алым крестом на груди. Когда родители его постились, надлежало поститься и ему, отчего мать в постный день только один раз кормила его грудью. К пяти годам он стал и есть и пить очень мало; к двенадцати покончил со всеми излишествами, со всякой суетностью и свои карманные деньги стал отдавать бедным, стараясь сделать как можно больше добра. Он выказал себя усердным и в ученье; вскоре он своим смирением достиг великой славы, ибо отец на смертном одре во взволнованной речи, обращенной к сыну, призывал его всегда быть добрым. Ему еще даже двадцати не минуло, когда родители его скончались, и все состояние, им унаследованное, он роздал беднякам, отказался от власти, уехал в Италию и там явился в госпиталь, где лежало множество людей, страдающих заразными болезнями, которых он надеялся выходить. Его не так-то скоро к ним допустили, подробно поведали ему об опасности, но он продолжал настаивать, а когда наконец получил позволение войти, то исцелил немощных, коснувшись их правой рукою и осенив крестным знаменем. Спустя некоторое время он уехал дальше, в Рим, спас от чумы наряду со многими другими одного кардинала и три года прожил вблизи от него.

Когда в конце концов и его поразила грозная болезнь, он был отправлен в чумной барак, где в нестерпимых муках временами не мог удержаться от страшного крика, а потому выбрался из госпиталя и сел на улице у дверей, дабы его вопли не были в тягость больным. Прохожие, завидев его, решили, что сие случилось по недосмотру госпитальных стражей, но, услышав, что не так все обстояло, сочли его юродивым или недоумком и поспешили изгнать из города. Ведомый десницей господней и опираясь на свой посох, он укрылся в ближнем лесу. Когда же великая боль не позволила ему идти дальше и он лег на землю под кленом немного отдохнуть, рядом с ним забил источник, и он испил из него водицы.

Недалеке находилось имение, куда убежали из города многие знатные дворяне, среди них некий граф Готтардус, при нем множество слуг и охотничьи собаки. И тут случилось странное происшествие: один вообще-то очень благовоспитанный пес схватил со стола хлеб и убежал. Хотя и наказанный, он на следующий день повторил то же самое и умчался со своею добычей. Граф заподозрил какую-то тайну и вместе со слугами последовал за ним.

И вот они видят под деревом умирающего пилигрима, тот просит их поскорей уйти, чтобы и они не заразились страшной болезнью. Готтардус, однако, решил не отпускать от себя больного, прежде чем тот не выздоровеет, и пекся о нем как нельзя лучше. Когда Рохус немного набрался сил, он отправился во Флоренцию и многих там исцелил от чумы. Засим был ему голос с неба, и сам он совершенно выздоровел. Он уговорил Готтардуса вместе с ним поселиться в лесу и без усталости служить богу. Готтардус и это ему обещал, если только он его не покинет, и оба они долго прожили в полуразвалившейся хижине. После того как Рохус мало-помалу приучил графа к такой отшельнической жизни, он снова снарядился в путь и после тяжкого странствия вернулся домой, в тот самый город, что некогда ему принадлежал и был им подарен двоюродному брату. Но там, — время-то было военное, — его приняли за лазутчика и привели к государю, который его не узнал из-за всех перемен, наложивших печать на его наружность, а также из-за нищенского платья. Но Рохус возблагодарил бога за все несчастья, на него ниспосланные, и пять лет провел в темнице, под землею. Он отказывался принимать пищу, когда ему приносили что-нибудь горячее, и только еще больше изнурял свою плоть бодрствованием и постом. Почувствовав приближение конца, он попросил стражников привести к нему священника. В подземелье, где он лежал, было темно, но когда священнослужитель вошел, воссиял свет, что немало того удивило; взглянув на Рохуса, он увидел отблеск божества в его чертах и от страха без чувств упал наземь. Очнувшись, он поспешил к государю, поведал ему о том, что видел и какое совершено богохульное преступление — так долго держать благочестивейшего из людей в подземной темнице. Когда об этом стало известно в городе, люди толпами бросились к тюремной башне, но поздно — святой Рохус в приступе слабости уже испустил дух. Все сбегавшиеся сквозь щели и двери узрели пробивающееся сияние, а ворвавшись в темницу — скончавшегося святого. Он лежал на земле, в головах и в ногах у него горели лампы. По государеву повелению святого с превеликой пышностью похоронили в церкви. Его узнали по алому кресту на груди, с которым он родился; и какие же послышались в церкви рыдания и сетования!

Случилось это в году 1327, шестнадцатого августа. А позднее в Венеции, где теперь лежит его тело, ему во славу был воздвигнут храм. Когда же в году 1414 в Констанце созван был Konzilium и там возникла чума, а помощи неоткуда было явиться, — мор стал утихать, едва лишь люди вознесли молитвы этому святому и в честь его стали устраивать крестные ходы.

Там, где мы сидели, невозможно было спокойно выслушать эту миролюбивую историю, ибо за столом уже шли горячие споры о числе сегодняшних богомольцев и гостей. Одни уверяли, что их тысяч десять, другие, что и того больше, а третьи — что и сосчитать немислимо, сколько народу толчется на верхушке этого холма.

Споры прерывались разговорами совсем другого рода. Разные крестьянские правила, пословицы, предсказания погоды, которые должны сбыться еще в нынешнем году, я внес в свою записную книжку, а когда мои сотрапезники заметили, что я слушаю с живейшим интересом, вспомнили и еще множество примет и пословиц, легко приложимых к здешним как климатическим, так и житейским условиям.

«Сухой апрель — для крестьян канитель». — «Ежели славка запоет, когда лоза еще не цветет, — быть году урожайным». — «Много солнца в августе — быть вину хорошим». — «Чем ближе праздник рождества от новолуния, тем более тяжкий год последует за ним. Но если он настанет в полнолуние или в пору ущербной луны — год будет благоприятствовать людям». — «Для рыбаков цуцья печень — самая верная примета: если она слишком широка по сравнению с желчным пузырем, передняя же часть у нее заостренная и узкая —

Быть зиме холодной и длинной». — «Если Млечный Путь в декабре светлый и яркий, жди доброго года». — «Если от рождества до богоявления дни стоят темные и туманные — через год разные болезни поразят род людской». — «Если в ночь перед рождеством вино забродит в бочках — надейся, что виноград уродится обильно». — «Если выпь закричит вовремя, надейся, что хлеб хорошо уродится». — «Если бобы вырастут густо, а на дубах очень уж много будет желудей — не жди доброго урожая». — «Если совы и другие птицы часто будут вылетать из лесу в города и деревни — год будет неурожайный». — «Май холодный — год хлебородный». «В холод, в дождь не наполняй ни амбар, ни бочки». — «Поспеет земляника к троице — винограда будет вдоволь». — «Если Вальпургиева ночь дождливая — добрый год выдастся». — «Бурая грудная косточка у первого жареного гуся — к морозу, белая — к снегу».

Горца, слушавшего эти поговорки, — все урожай да плодородие, — если не с завистью, то очень серьезно спросили, в ходу ли и у них такие речения. Он отвечал, что подобного разнообразия у них и в помине нет, загадки и пословицы все очень простые, вот, к примеру:

Утром круглый,

Днем бесформенный,

Вечером в кусочках;

И все-таки

Всем полезен.

Тем временем одна компания равнодушно вставала из-за почти необозримого стола, другая учтиво со всеми прощалась. Так мало-помалу редело число сотрапезников. Только ближайшие наши соседи и несколько приятных гостей еще медлили. Неохота расставаться; они уходят и возвращаются еще раз испытать сладостную боль расставания, и наконец мы, для нашего общего успокоения, договариваемся о встрече, которая, конечно, не состоится.

К сожалению, помимо палаток и будок, нигде было укрыться от палящего солнца, ибо недавно посаженные на другой стороне холма ореховые деревца сулили тень лишь нашим правнукам. О, если б каждый паломник бережно относился к юным деревцам, если б почтенные граждане Бингена догадались огородить насаждения и ревностными подсадками, тщательным уходом помогли бы им тянуться ввысь, на пользу и радость тысячам людей!

Вновь возникшее оживление свидетельствует о новом событии: все спешат к проповеди, народ теснится с восточной стороны часовни. Там здание еще не закончено, еще стоят леса, но даже во время строительства здесь служат господу богу. Точно так же было, когда в пустынях первые поселенцы своими руками строили церкви и монастыри. Каждый обтесанный, каждый уложенный камень уже был служением богу. Любители искусства помнят примечательнейшие картины Ле Сюера, изображающие житие и деяния святого Бруно. Итак, все значительное повторяется в ходе мировых свершений, внимательный глаз замечает это везде и во всем.

На каменную кафедру, стоящую на консолях у наружной стены, войти можно только изнутри. Появляется проповедник — мужчина в цвете лет. Солнце стоит высоко, и потому мальчик держит над священником зонтик. Чистым, внятным голосом ведет он весьма разумную речь. Мы надеялись, что уловили смысл, и неоднократно повторили эту речь с друзьями. Однако возможно, что в изустной передаче мы уклонились от первоначального текста и многое привнесли от себя. Таким образом, в нижеследующем можно обнаружить кроткий, алчущий деятельности дух, даже если это не всегда будет изложено в таких сильных и точных словах, какие мы тогда слышали:

— Возлюбленные мои слушатели! В великом множестве поднялись вы сегодня на эту гору, дабы отметить праздник, которого, с соизволения божия, не было вот уже много-много лет. Вы пришли и застали сей еще недавно оскверненный, разрушенный храм господень восстановленным, украшенным, освященным. Сейчас вы торжественно вступите в него и с благодарностью принесете святому, особо почитаемому в здешних местах, свои священные обеты. Поскольку долг повелевает мне сказать вам по этому поводу слово назидания, то я не желал бы ничего лучшего, как спросить у вас: может ли человек, родившийся от благочестивых, но все же грешных родителей, удостоиться величайшей милости — предстать перед престолом всевышнего и просить, во имя тех, кто с верою возносит к нему молитвы, об избавлении от мора, поразившего целые народы, более того — от смерти?

Поелику он этой милости удостоился, мы можем с полным доверием обращаться ко всем, кого почитаем святыми, ибо они обладают редчайшим свойством, заключающим в себе все остальные добродетели, — безусловной покорностью воле божьей.

И хотя ни один смертный не вправе дерзнуть уподобиться господу богу или посягнуть на сходство с ним, уже самое безграничное покорство святой воле господней есть первое и надежнейшее приближение ко всевышнему.

Давайте же рассмотрим это на примере многодетных отцов и матерей, которые с любовью пекутся о детях, ниспосланных им господом богом. Но если кто-то из этих детей выказывает больше смирения и послушания, чем другие, не задавая вопросов и не медля, точно выполняет родительские приказания, ведет себя так, словно и живет только для отца с матерью, он, конечно же, завоевывает себе особые преимущества. К его просьбам, к его заступничеству родители относятся с большим вниманием, гнев и неудовольствие их проходят под влиянием нежных его ласк. Итак, давайте же по-человечески представим себе отношение нашего святого к господу богу, отношение, до которого он возвысился безусловным своим смирением.

Слушая проповедника, мы подняли взоры к чистому небосводу, яркую синеву оживляли легко несущиеся облака; мы стояли на высоком месте. Вверху — прозрачная ясность, широкие просторы кругом, проповедник слева от нас, повыше внимающей ему паствы.

Многочисленные слушатели толпятся на обширной недостроенной террасе неправильной формы и с задней своей стороны как бы висящей над бездной. Если бы ее со временем умно и целесообразно завершил, увязал с целым и продуманно устроил умный зодчий, все это вместе стало бы одним из прекраснейших мест на свете. Ни один проповедник, обращающийся к многотысячной толпе, еще не видывал ее на фоне столь прекрасного ландшафта. Попробуй зодчий поставить эту толпу на ровную, расчищенную площадку, может быть, чуть возвышенную с задней стороны, тогда все видели бы проповедника и хорошо его слышали. Но сейчас-то на недоделанной

площадке они стояли ниже его, друг за дружкой, поневоле друг другу толкая. Если смотреть сверху — причудливая, тихо колеблющаяся волна. Место, с которого епископ внимал проповеди, отличалось от прочих лишь высоко торчащим балдахином, сам же священнослужитель был скрыт, так сказать, поглощен толпою. Разумный зодчий и этому достойному князю церкви отвел бы подобающее место, тем самым сделав праздник еще прекраснее. Но то, что ныне творилось вокруг, то, что поневоле отмечал искушенный в искусстве глаз, ничуть не мешало нам внимательно прислушиваться к словам достойного проповедника, который, перейдя ко второй части проповеди, говорил следующее:

— Такое покорство воле господней, как ни высоко следует его ценить, тем не менее осталось бы бесплодным, если бы благочестивый юноша не любил своих ближних, как самого себя, — нет, больше, чем самого себя. Ибо, по господнему соизволению, разделив свое состояние меж бедняками, дабы в качестве набожного пилигрима дойти до святых мест, он по пути все же отклонился от своего достославного решения. Великая беда, постигшая его единоверцев, возложила на него долг, позабыв о себе, прийти на помощь несчастным больным. Долг сей он выполнял во многих городах, покуда свирепая болезнь не одолела и его, лишив возможности продолжать свое служение ближним. Опаснейшая эта деятельность вновь приблизила его к вседержителю; так же как господь, возлюбивший человечество столь сильно, что для его блага он отдал единственного своего сына, святой Рохус пожертвовал собою для ближних.

Велико было внимание к каждому слову проповедника, толпа же, ему внимавшая, была необозрима. Паломники, пришедшие в одиночестве, и целые общины толпились здесь, уже прислонив к стенам часовни, слева от проповедника, свои знамена и хоругви, что тоже немало украсило место действия. Однако всего больше радовал сердца маленький дворик, вмещавший совсем немного народу, но зато весь уставленный подмостками со скульптурными изображениями святых, так что казалось, они тоже слушали, знатнейшие из всех.

Три богоматери разной величины, подновленные, свежие, сияли на солнце, длинные розовые ленты, украшавшие их, весело и радостно трепетали на сквозном ветерке. Младенец Иисус в золотой парче, как всегда, приветливо улыбался. Святой Рохус, и не один, спокойно взирал на собственный праздник. На первом плане, тоже как всегда, — фигура в черном бархатном одеянии.

Проповедник, перейдя к третьей части, сказал приблизительно следующее:

— Однако и это непостижимо трудное деяние не имело бы духовных последствий, если бы святой Рохус за великую свою жертву стал дожидаться земной награды. Поступки столь богоугодные награждает лишь господь бог, и награждает навечно. Время слишком коротко для безграничного воздаяния. Посему вседержитель и даровал нашему святому величайшее блаженство на веки вечные, а именно — быть на небесах, как и при жизни, неутомимым заступником за род людской.

Вот почему он и является для нас той меркой, по которой мы измеряем свой духовный рост. Ежели в трудные дни вы воззвали к нему и вам дано было узнать, что ваши молитвы услышаны, то, отбросив все высокомерие, всю заносчивость, смиренно спросите себя: были ли у нас перед глазами его подвиги? Тщились ли мы следовать его примеру? В грозные времена, под тяжестью непосильного бремени, предались ли мы, не возроптав, воле господней? Или мы не жили в блаженной надежде, что господь смилостивится над нами? В пору, когда свирепствовала чума, молились ли мы не только о своем спасении? Помогали мы в этой беде ближним, домочадцам или дальней родне, просто знакомым, чужим и врагам, во имя господа и святого Рохуса, ставили мы свою жизнь под удар или нет?

Если в глубине души вы ответите на эти вопросы «да!», то уйдете домой с миром в сердце.

А если, в чем я не сомневаюсь, вы еще будете вправе добавить: ни о какой земной выгоде мы при этом не помышляли, удовольствовались тем, что наши поступки угодны господу, — то вы тем паче возрадуетесь, что от души шли ваши молитвы и ближе стали вы к великому своему заступнику.

Растите и приумножайте эти духовные качества и в счастливые дни, дабы в трудное время, которое приходит нежданно-негаданно, вы вправе были бы вознести молитвы к богу и его святому. А потому смотрите же и впредь на подобные паломничества как на ожившие воспоминания о том, что вы принесли всевышнему благодарственную жертву, лучше которой и быть не может, — преисполнив свое сердце добром и духовно обогатившись.

Итак, проповедь окончилась, целительная для всех, ибо каждый услышал ее и каждый извлек из нее практические поучения.

Епископ возвращается в часовню: то, что там происходит, скрыто от наших глаз. До нас доносятся лишь отзвуки молебствия. Непрерывным потоком движутся люди к церкви и от нее, праздник подходит к концу. Выстраивались, готовясь уходить, процессии; пришедшие последними бюдесгеймцы уходили первыми. Стремясь поскорее выбраться из всеобщей сутолоки, мы спустились с холма вместе со спокойной и серьезной процессией Бингена. Но и на этом пути нам встретились следы скорбных дней войны. Места привалов на тернистом пути нашего святого были, по-видимому, уничтожены. При возобновлении их следовало бы руководствоваться духом благочестия и честным отношением к искусству, дабы каждый, кто бы он ни был, мог пройти этот путь с состраданием и участием.

Достигнув великолепно расположенного Бингена, мы и там не нашли покоя. Больше всего нам хотелось бы после стольких удивительных, божеских и человеческих чудес поскорее окунуться в природу. На лодке мы спустились вниз по течению реки, проскочили развалины поврежденной временем каменной дамбы; сказочная башня, построенная на несокрушимой кварцевой породе, осталась слева, Эренфельз — справа. Однако на сей раз мы вскоре вернулись, досыта насмотревшись на обрывистые серые ущелья, через которые испокон веков продирается Рейн.

И на обратном пути, так же как все утро, солнце стояло высоко, хотя набегающие облака позволяли надеяться на вожделенный дождь; наконец он и вправду хлынул, освежая все и вся, и шел достаточно долго, чтобы мы весь обратный путь ощущали приятную прохладу. Вероятно, это святой Рохус, подвигнув других угодников, ниспослал свое благословение людям, хотя дождь и не входил в его обязанности.

Комментарии

К своим автобиографическим сочинениям Гете относил и «Праздник святого Рохуса в Бингене», хоть он и избегает в нем местоимения «я», заменяя таковое собирательным «мы» или же обезличенной глагольной формой. Автор стоит как бы в стороне: все вертится помимо его воли, но с его согласия и при теплом его сочувствии. Гете и в Италии был умиленным свидетелем церковно-народных празднеств, предусмотренных католическим календарем, в которых религиозное благочестие переплеталось с карнавальным народным весельем и юмором. Праздник святого Рохуса носил несколько иной характер. Этим празднованием отмечалось освобождение левого берега Рейна от чужеземного (французского) ига, а также восстановление священной для прирейнских немцев-католиков часовни св. Рохуса, порушенной и упраздненной при Наполеоне, и вместе с тем воскрешение свободы, веры и суеверия, признание метафизической реальности всевозможных чудес и знамений. Это ли не повод для лишнего осенения себя крестным знаменем, и для удовлетворения жажды лишней мерой доброго вина, и для участия в торжественном крестном ходе и в превеселой охоте на припасенного для этой цели матерого барсука.

«Праздник святого Рохуса в Бингене» написан примерно в той же манере подробного реалистического изображения, что и «Римский карнавал», только что «Карнавал...» подвижнее, богаче сменами происходящего и затейливостью рядов веселящейся толпы. Но Бинген — не Рим, и немцы — не итальянцы.

Не оставим без оговорки и то, что Рохус был любимейшим святым лютеранина Гете (каковые и вовсе не почитают святых), любимейшим рядом со святым Филиппом Нери. Гете любил их уже за то, что они оба не столько чудотворствовали, сколько расточали чистую христианскую любовь к ближним. Радовало Гете и то, что житие Рохуса написано венецианцем Франциском Диедо (в 1478 г.) и что этот святой особенно почитается в Венеции.

Работать над «Праздником святого Рохуса» Гете начал в 1814 году, когда поэт создавал «Западно-восточный диван». В 1815 году он читал этот очерк Сульпицию Буассерэ. Впервые напечатал «Праздник...» в «KunstundAltertum», № 2 за 1817 год.

Добрые друзья — музыкант Карл Фридрих Цельтер из Берлина и горный советник Людвиг Вильгельм Крамер из Висбадена.

Монастырь Иоганнисберг — изначально бенедиктинский, в XVIII в. перешедший к фульскому епископату, был окончательно упразднен в 1802 г.

Четырнадцать святых. — Святой Рохус не входит в их число, но почитается верующими и как заступник; в Германии ему усерднее всего поклоняются в прирейнском крае.

Эстрайх — Эстрих.

Часовня св. Рохуса построена и освящена в 1677 г. по обету, наложенному на себя прирейнскими жителями в 1666 г.

Римская крепость. — Эта крепость не восходит ко временам Древней Римской империи; воздвигнута она по новейшим изысканиям в XII, а то и в XIII в.

Святой Флориан — великомученик, умер в 304 г. в римской провинции Норикум, помогает при пожарах и наводнениях.

Святой Себастиан — римский мученик, жил в IV в., радеет о домашнем скоте, но помогает и при внезапных заболеваниях.

Святой Губарт — епископ Люттихский (Льежский), покровитель охотников и лесничих.

Осмотреть собрание — надворного советника Геца.

Кебес — ученик Сократа. Ему приписывается диалог об аллегорической картине, изображающей человеческую жизнь в виде ступенчатой горы, на вершине которой обитают труднодоступные добродетели.

Монастырь Айбинген — женский монастырь, построен в XII в. святой Хильдегардой. В XVII в. воссоединился с другим женским монастырем — Рупертсберг. Упразднен в 1803 г.

Святой Рупрехт — в 110 или 132 (?) г. захоронен на горе, которую называли Рупрехтсберг; в 1677 г. его мощи были перенесены на гору Святого Рохуса и преданы освященной земле близ часовни св. Рохуса.

Святой Рохус — краткий пересказ жития святого, оставленный венецианцем Диедо (1478 г.). Часть мощей его была перенесена в Венецию в 1485 г.

Картины Эташа Ле Сюера (1617–1655). — Ле Сюер Эташ — автор двадцати двух картин из жизни святого Бруно; эти картины были гравированы художниками Франсуа Жово и Шарлем Симонно.